

13.1.37.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Вокруг головы Ник.Ив.Бухарина разыгрываются чрезвычайно острые политические и иные страсти. Он - на волосок от того, что подлеишие клеветники, потерявшие образ и подобие человеческого, - какая-то волчья стая (о которых странно теперь думать, что они несколько месяцев тому назад назывались коммунистами, - такова уж ирония истории!), - буквально затюкают его, если до того он не впадет в психическое расстройство от этого потока клеветы.

Невозможно пассивно смотреть на то, как человека, не повинного в том, в чем его обвиняют, это отребье стремится буквально стереть с лица земли. Это значило бы словно помогать им.

Среди всех этих насквозь лживых показаний особо возмущают показания Цетлина и в то же время производят странное впечатление. Ими Бухарин, человек, которому абсолютно чужды были какие-либо террористические настроения, сделан отцом идеи террора в борьбе с партией (даже до Троцкого!) и якобы главным организатором правых террористических групп. Ну!..

Я хотела бы остановиться на том месте показаний Цетлина, где он говорит, что Бухарин якобы рассказывал ему в феврале 1933, незадолго до ареста Ц-на, о террористических заданиях, данных якобы им (Бухариным) Семенову.

Тут он явно позабывает свое собственное прошлое. После январского 1933г. пленума ЦК у Цетлина вообще совершенно определенно наметилась серьезнейшая щель в отношениях с Н.И.Бухариным: он считал, что Н.И., выступая на этом пленуме, недостаточно или вовсе не упоминал о нем, Ц-не, и тем

самым не отмежевал его от контрреволюционной группы слепковцев, тогда как сам Цетлин в свое время от них задолго до их ареста, по его же собственным тогдашним словам, отгораживался и по линии личных отношений в гораздо большей степени, чем это делал, по его словам, до их ареста Н.И.

Цетлин тотчас же после пленума начал говорить об отходе от Н.И., о невозможности с ним дальнейшей работы, т.к. Б. его своим умолчанием о нем на пленуме, так сказать, "загубил", но еще колебался, т.к. с увлечением работал в то время в НИС"е.

Поэтому с изумлением слышишь теперь, что он, Ц., отмежевавшийся в свое время, по его словам, и в личных отношениях от слепковцев, в феврале месяце 1933г. беседует с Н.И. о "террористических заданиях". Не говоря уже о всей фантастичности сообщаемых теперь Ц-ним "фактов", разве не абсурдно предположить, что Н.И., даже при всем своем просто инфантильном доверии к людям, мог, - если даже допускать на деле не существовавшее, - что он давал "террористические задания", - стал бы говорить о них Ц-ну в тот момент, когда наметилось серьезное намерение Ц-на вообще отойти от него и лично?

Уход Ц-на от совместной работы с Н.И. и состоялся действительно после освобождения Ц-на, причем Ц-н развел невероятную достоевщину, обливал Н.И. грязью в своих письмах. Но это второстепенно. К тому же он был тогда почти в неменяемом состоянии.

После ухода Ц-на около Н.И. не осталось ни одного из прежних правых, - с Рыковым и Томским он виделся несколько раз наперечет (в отдельности), а потом и у них перестал бывать, - через кого же он тогда "действовал"? Где же те "руки", "щупальцы", "проводники", через которые он мог действовать? Где какие-нибудь члены его якобы группы? Их не было. Это - факт, который не сможет оспаривать даже самый изобретательный, извращенный и шантажирующий клеветник.

Кто же тогда оставался? Разве что Гоц, Тимофеев, М. Спиридонова и др. "из уфимской и средне-азиатской местности" какими-то сверхчувственными проводами связанные с ним! Но это - уж слишком кричащее вранье!

Сама правая ориентация была для Н.И. давно пройденным этапом .

В те немногочисленные, наперечет, разы, когда Н.И. виделся с Рыковым или Томским в большинстве случаев (из этих немногих случаев) присутствовала и я. Никаких правоуклонистских разговоров не было.

Не посетуйте на меня и простите, Иосиф Виссарионович, что я затруднила Вас слишком длинным письмом.

Много мы с Н.И. в свое время спорили, "воевали" (в частности, относительно пресловутых "учеников", относительно которых я еще в первые годы высказывала ему опасения, что они, помимо его воли, могут вырасти в средостение между ним и партией), много мы с ним говорили, так что я знаю в общих чертах его эволюцию достаточно.

И теперь спрашивала, переспрашивала. Ужас берет, когда видишь, что плетется относительно него теперь!

Много у него перед партией грехов. Но не террорист он, и не изменник социалистической родины, которая смолоду была его целью. Любит он ее всею душою.

Слишком тяжело, непомерно тяжело видеть надвигающуюся трагическую его гибель в то время, когда он (после всех своих ошибок) всецело с партией — будь то политическая и физическая гибель или только политическая, которая равнозначуща и физической для всякого искреннего революционера.

С коммунистическим приветом

Н. ЛУКИНА-БУХАРИНА.